

ЭТАП 1: ДИАГНОСТИКА (ДИАМП)

1. Тип сцены: Переход от напряженного военного совета к комедийной передышке и резкому клиффхэнгеру (предательство).

2. Проблемные зоны:

Анатомические буквализмы: Описание глаз Ли Цюаня («черно-белые», «ясные как ручей»), описание красоты Фань Ло («кожа как застывший жир»). Требуется адаптация под русские литературные эпитеты.

Синтаксис: Типичные для оригинала короткие предложения, описывающие экипировку Ли Цюаня. Необходимо объединить в текучее описание.

Лексика: Термины «Саоцзы», «Чугоу» и прочие требуют контекстуального вплетения. «Яба» (немой) — подчеркнуть характер персонажа.

Динамика: Сцена в шатре должна быть плавной (Образец №3), сцена признания Сунь Бина — резкой и прерывистой (Образец №1).

ЭТАП 2-5: ТРАНСФОРМАЦИЯ И НАТУРАЛИЗАЦИЯ

— Твою ж направо! Дайте мне только узнать, какая крыса слила пароль! Я его так разделаю — пожалеет, что вообще на свет вылез!

В лагере гвардейцев Чжао Сы рвал и метал. Обычно добродушный, сейчас десятник стоял с потемневшим лицом, прожигая яростным взглядом девятку застывших перед ним бойцов. Среди них, стараясь не дышать, замерли Ли Цюань и Сунь Бин.

Все началось три дня назад, когда поймали шпиона из Западных варваров. У того при себе имелся жетон главнокомандующего, но что хуже всего — он знал пароль гвардии. Жетон открывал путь в штаб, а пароль позволял беспрепятственно подойти к шатру генерала на десять шагов.

Паролей было несколько десятков. Каждое утро десятник сообщал один из них остальным гвардейцам, а те передавали его часовым. Шпиону просто не повезло: в сумерках он наткнулся на самого Чжао Сы, который решил лично проверить посты, переодевшись в простую форму. Тот прослужил в центральной армии пять лет, шпион был ему незнаком, но на вопрос «кто идет?» тот ответил паролем, который Чжао Сы выбрал лично этим же утром!

Гнев десятника мешался с ледяным ужасом. Это значило, что любой враг мог под покровом ночи пробраться к генералу и без труда забрать его голову. Но больше всего было другое: теперь он обязан был подозревать братьев, с которыми годами делил хлеб и кров.

— Что, язык в задницу засунули? — Чжао Сы топнул так, что земля дрогнула. Он яростно осматривал гвардейцев, точно голодный волк, и глаза его были налиты кровью. — Хотите, чтобы я лично вам штаны спустил и проверил, у кого там хвост вырос?

Бойцы молчали, понутив головы. Гвардия — оплот безопасности генерала, сюда отбирали лучших из лучших. Подобный прокол нельзя было списать на простую оплошность. Лица молодых парней побелели, даже обычно невозмутимый Ли Цюань выглядел предельно серьезным. Воздух в шатре стал густым и тяжелым, точно перед грозой.

Вошедший Ян Цзо обвел присутствующих коротким взглядом и положил руку на плечо десятника:

— Брат Чжао, если ты сейчас распустишь гвардию из-за подозрений, кто защитит генерала в разгар сражения?

— Но помощник Ян! — лицо Чжао Сы стало багровым. — Если среди нас затесался предатель... Как я в глаза посмотрю братьям, что погибли, закрывая генерала своими телами?

— Коней на переправе не меняют, — Ян Цзо едва заметно улыбнулся, глядя на притихших бойцов. — А генерал... он и сам все прекрасно понимает.

Чжао Сы нехотя сдался, но напоследок одарил каждого таким взглядом, что стало ясно: спуску не будет никому.

— Четвертый брат Чжао в гневе страшен... — шепотом проговорил Сунь Бин, когда они вышли из шатра.

Ли Цюань в это время был занят делом. Он рассовывал по всем возможным складкам одежды — от лодыжек до пояса и обшлагов — ножи, заточки и прочее острое железо. Проверив, легко ли выходит из ножен тяжелый палаш, он поднял голову:

— Десятник не злится, Сунь Бин. У него сердце кровью обливается. Ему больно.

Мальчишка еще мало что смыслил в жизни, и по его лицу, то бледневшему, то красневшему, было видно, как ему не по себе. Ли Цюань крепко хлопнул ученика по плечу:

— Не трусь. Коли совесть чиста, чего бояться? Держи ухо востро и будь начеку.

Сунь Бин промолчал, но когда Ли Цюань уже собрался идти к генеральскому шатру, нерешительно окликнул:

— У-учитель...

— Чего тебе?

Парень до боли закусил губу, нервничал и хмурился. Он явно хотел что-то сказать, но в последний момент мотнул головой:

— Нет, ничего...

Ли Цюаню это показалось странным, но время поджимало, и он поспешил на пост.

Фань Ло склонился над картой, сопоставляя донесения разведчиков.

Двадцатитысячное войско Западных варваров стояло неподалеку, но вот уже три дня враг не предпринимал никаких действий. Это затишье тревожило генерала. Его беспокоило даже не численное превосходство противника, а их предводитель — Маркиз Свободы. Несмотря на молодость, этот человек уже заслужил среди полководцев прозвище Лик демонического лиса. Коварный, хитрый и расчетливый стратег — именно благодаря ему Западные варвары за несколько лет вернули себе былое могущество.

«В этот раз нужно быть вдвойне осторожным...» — подумал Фань Ло.

В этот момент полог шатра откинулся, и вошел Ли Цюань с тазом воды. Генерал удивленно поднял бровь: обычно этот «немой» не заходил внутрь без крайней нужды.

Ли Цюань, сохраняя на лице печать глубочайшего почтения, молча прошел в угол и уселся прямо на землю. Достав кусок замши, он принялся с сосредоточенным видом протирать «Уцзяо» — Черного Водяного Дракона.

Фань Ло понаблюдавал за ним какое-то время, но Ли Цюань даже не взглянул в его сторону, увлеченный своим занятием. Постепенно генерал вернулся к изучению свитков. Лишь когда свеча начала чадить, а глаза запекло от усталости, он отложил свитки и потер переносицу.

Взглянув в угол, он увидел, что Ли Цюань замер, привалившись к копыю. Он стоял с приоткрытым ртом, глупо и остекленело глядя на лицо генерала.

— Ли Цюань? — негромко позвал Фань Ло.

Тот вздрогнул, мгновенно подскочил и принялся судорожно вытирать углы рта. К счастью,

слюни не текли.

— А? Да, генерал! Вы что-то хотели? — он неловко заулыбался.

На самом деле Ли Цюань просто засмотрелся. В неверном свете свечи профиль генерала казался вырезанным из тончайшего белого нефрита, а длинные ресницы отбрасывали на скулы мягкие тени. Ли Цюань заворожено думал, что Фань Ло похож на прекрасного небожителя из древних сказаний, случайно спустившегося в этот грязный военный лагерь.

— Генерал, а вы... вы и вправду очень красивый, — ляпнул он прежде, чем успел подумать.

Фань Ло даже не обиделся.

— Лишь оболочка, — сухо ответил он и, поднявшись, направился к спальной части шатра, разделенной плотным пологом. У входа он обернулся.

Ли Цюань густо покраснел и закашлялся:

— Генерал, скоро бой, так что я... ну, «тем способом» служить вам пока не смогу. Нужно силы беречь.

Лицо Фань Ло потемнело, но он понимал логику солдата и возражать не стал. Ли Цюань снова глупо ухмыльнулся, но он проявил стальную решимость:

— Но спать я буду здесь. Мы с «Черным Водяным Драконом» будем стеречь ваш сон.

Только сейчас генерал по-настоящему разглядел своего телохранителя и едва не прыснул со смеху. Фигура Ли Цюаня приобрела комичные, раздутые очертания. Лодыжки стали вдвое толще из-за примотанных кинжалов, из-под обшлагов тускло поблескивала сталь наручей с метательными иглами, пояс был туго обвит гибким бичом, слева висел тесак, справа — длинный меч, а за спиной топорщились какие-то короткие дубинки. Не хватало только лука через плечо.

Фань Ло, с детства скупой на эмоции, впервые за долгое время почувствовал, как внутри зарождается смех. Этот нелепый, обвешанный железом человек вызывал у него странное чувство тепла.

— Заходи, — бросил он, скрываясь за пологом.

— Но...

— Там теплее.

Ли Цюань замер в ошолоблении, а затем, расплывшись в блаженной улыбке, точно жених перед брачной ночью, поспешил следом.

В темноте он пристроился на полу возле постели. Какое-то время стояла тишина, нарушаемая только их дыханием.

— Генерал? — шепотом позвал Ли Цюань.

— М?

— Мы ведь победим, правда?

—...Да.

— Хех. Тогда я, Ли Цюань, костями лягу, а вас сберегу.

— Спи уже...

На следующий день армия по-прежнему не двигалась с места.

Ночью Ли Цюань и Сунь Бин вышли в караул. Ли Цюань никак не хотел уходить от своего «красавца-генерала», и Чжао Сы пришлось буквально выставить его за дверь весомым пинком. Увидев, что сам десятник, тоже обвешанный оружием, точно елка, занял пост у шатра, Ли Цюань немного успокоился.

— Ишь, какой я стал заботливый, — хохотнул он, глядя на ученика.

Но Сунь Бин не смеялся. Он шел молча, низко опустив голову, и даже не реагировал на шутки.

— Эй, парень, ты чего? — Ли Цюань нахмурился. Сунь Бин вдруг свернул с протоптанной дорожки в сторону, к самому краю лагеря. — Ты куда это?

Ученик резко остановился. Его широкие плечи мелко задрожали.

— Что с тобой? Заболел? — Ли Цюань подскочил к нему, заглядывая в лицо.

При свете холодной луны кожа Сунь Бина казалась землисто-серой. Он весь сжался, зубы его выстукивали дробь.

— Это я... Учитель, это все я... — выдавил он. Голос его срывался на хрип.

— Да что ты заладил? Говори толком, не тяни жилы! — Ли Цюань почувствовал, как внутри все похолодело.

Сунь Бин схватил его за руки, как утопающий за соломинку:

— Учитель, помоги мне! Умоляю! Если Четвертый брат Чжао узнает, что это я слил пароль... он же с меня живьем шкуру спустит!

Ли Цюань уставился на него, не веря собственным ушам. Лицо его вмиг стало белым, как мел.

— Ты...

— Я, я! — парень запричитал, лицо его исказилось от ужаса. — В тот день я... я передал пароль чужому человеку! Но он божился, что не причинит вреда генералу! Это какая-то ошибка, учитель, вы должны заступиться за меня перед десятником!

Сунь Бин, несмотря на юность, прекрасно знал, что в армии за нарушение приказа бьют палками до смерти. Он был единственным сыном в семье, он хотел славы, хотел вернуться в родную деревню героем... Он не хотел умирать в этой грязи под ударами палок.

Ли Цюань слушал его, тяжело дыша. Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох. А когда открыл их снова — это был уже не тот простодушный дурачок. В его взгляде, обычно чистом, как горный ручей, появилась темная, бездонная глубина. От него повеяло пугающей, свинцовой тяжестью.

Он железной хваткой перехватил руки Сунь Бина.

— Кто это был? — коротко, как удар клинка, спросил Ли Цюань. — Называй имя.